

© 2009 г.

Р.Г. ПИХОЯ

ВОСПОМИНАНИЯ О СТУДЕНЧЕСКИХ ГОДАХ НА ИСТФАКЕ УрГУ

ОТ РЕДАКЦИИ

12–16 ноября 2008 г. в Екатеринбурге состоялась научная конференция "Россия и мир: панорама исторического развития", посвященная 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета (УрГУ).

На конференции собрались выпускники истфака, преподаватели и сотрудники университета, студенты, ученые из академических учреждений и высших учебных заведений Москвы, Петербурга, Новосибирска, Воронежа, Самары, Челябинска, Новгорода, а также из Парижа, Софии, Мюнстера, Севастополя. В ней приняли участие академики РАН Ю.С. Пивоваров, В.В. Алексеев. На конференции с докладами выступили: профессор Вестфальского университета им. Вильгельма Р. Хармут "Императрица Адельгейда-Евпраксия: новейший опыт биографической реконструкции"; д.и.н., проф. А.И. Комиссаренко (Российская академия государственной службы при Президенте РФ, Москва) "Земельные отношения и фискальные повинности крестьян Вятки в XVIII в."; д.и.н. В.В. Трепавлов (Институт российской истории РАН) "Формирование многонационального государства в России: особенности и закономерности"; д.и.н., проф. М.А. Поляковская (УрГУ) «Византийская империя XIV в.: "театр власти"»; д.и.н., проф. Б.Н. Миронов (Институт истории РАН, Санкт-Петербург) «"Самодержавие есть гражданская война со всеми ее бедствиями": борьба общественности с монархией»; д.и.н., проф. Л.И. Бородкин, заведующий кафедрой исторической информатики, руководитель Центра экономической истории МГУ, "Школы на дореволюционных фабриках: создание кадров более развитых рабочих".

Один из докладов был посвящен особенностям обучения и научной подготовки студентов, существовавшей на историческом факультете. С ним выступил выпускник исторического факультета УрГУ проф. Р.Г. Пихоя, текст которого приводится ниже.

* * *

В моем университетском дипломе записано – "решением Государственной экзаменационной комиссии от 18 октября 1968 г. Пихое Р.Г. присвоена квалификация историка; преподавателя истории и обществоведения".

Сейчас на календаре осень 2008 г. Минуло 40 лет.

"Сидя на санях", используя слова Владимира Мономаха, пытаешься осмыслить прошлое. Истфаку УрГУ я обязан многим. Исторический факультет в большой степени предопределил мою судьбу. Не в последнюю очередь благодаря истфаку удалось всю жизнь заниматься тем, что интересно, интересно самому. Это редкая удача, если не

Пихоя Рудольф Германович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории российской государственности Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный деятель науки РФ.

счастье. Истфак для меня – это четверть века жизни – с 1964 г., когда я поступил учиться, до 1990 г., когда пришлось уйти с должности первого проректора университета и возглавить Российскую государственную архивную службу.

Но сегодня хотелось бы вспомнить учебу в университете. Сразу же несколько предубеждений. Во-первых, это воспоминания через 40 лет – следовательно, неизбежны фактические ошибки. К сожалению, при их подготовке я не использовал архив университета. Надеюсь исправить этот недостаток в будущем. Во-вторых, эти воспоминания, как и любые воспоминания, очень субъективны. Студент, как правило, видит в университете то, что ему необходимо. Поэтому мое поле зрения было ограничено занятиями по учебному плану, преподавателями, которые читали лекции, принимали экзамены, руководили практиками, ученичеством у М.Я. Сюзюмова. Я ничего не пишу о специалистах по новой и новейшей истории – важном для факультета направлении и о специалистах по советской истории, так как практически не интересовался этим в университете. Все мои общественные обязанности ограничивались ролью старосты группы и сводились к получению стипендии для группы и согласованию с деканатом расписания экзаменов. Ни комсомольской, ни профсоюзной деятельностью в УрГУ я не занимался, поэтому ни факультетских дел в целом, ни, тем более, университетских – не знал.

В-третьих, хочешь – не хочешь, но через 40 лет видишь то, что мы не понимали, да и не могли понять. Поэтому на воспоминания студента с неизбежностью накладываются размышления более поздних лет, понимания того, что называется "историографическим процессом" в рамках отдельно взятого истфака.

И последнее – я не пишу о студенческой жизни, которая выходила за пределы академических занятий. Думаю, что она тогда не слишком меня интересовала.

На истфак я поступил по ошибке. Если бы не хрущевские реформы в области образования, достаточно нелепые – вряд ли когда-нибудь поступил. Поясню. Реформа средней школы, требовавшая, чтобы тогдашние ученики 9–11 классов стажировались на производстве, вынудила меня уйти из школы – с моей близорукостью я не проходил "медкомиссию для работы в цехе контрольно-измерительных приборов и автоматики Северского металлургического завода. Я перешел в школу рабочей молодежи, где предстояло учиться всего два, а не три года и пошел работать на стройку учеником арматурщика.

Новая школа была не плохой – отлично преподавали математику, русский язык, литературу. Но там вообще не было иностранного языка! В моем аттестате вместо оценки стоял прочерк.

К моему счастью (и несчастью университета, полагаю) в 1964 г. на истфаке был отменен экзамен по иностранному языку. Эту глупость исправили уже на следующий год. Но абитуриентам 1964 г. сдавать иностранный язык было не нужно.

Сложность была в другом – конкурс был сумасшедшим: больше семи человек на место, но это – полдела... Опять-таки по хрущевскому законодательству создавались большие преимущества для производственников и солдат. Солдат и матросов последнего года службы командование могло направлять на вступительные экзамены, а в случае поступления или даже провала они могли отправляться не в часть, а домой, сокращая, таким образом, срок службы на пару-тройку месяцев. Поэтому солдат среди абитуриентов было много. Для производственников был свой конкурс. В случае положительных оценок – удовлетворительно и хорошо – они уже поступали. "Школьников"-абитуриентов, производственный стаж которых был меньше двух лет (мой случай) или выпускников школ принимали по отдельному конкурсу. Уж не знаю, как его считали, но нам объявили, что конкурс среди них был 25 человек на место.

Был ли я готов к поступлению? Думаю, не очень. Устойчивое желание быть историком (не учителем истории!) у меня появилось давно. Читал очень много и совершенно стихийно. К экзаменам готовился, понятно, сам, успел выучить по найденному мной академическому двухтомнику по истории СССР дореволюционный период и несколько раз прочитать – советский. Сочинение – всегда лотерея. Счастьем для меня

была практическая грамотность, как следствие многого чтения, так и результат бесконечных диктантов, которые задавали нам в школе рабочей молодежи. Но кто может гарантировать результат?¹

Иногородних абитуриентов поселили в фехтовальном зале университета на улице 8 марта, 61, на полу были настелены матрасы, а на них толклись не меньше сотни парней.

Первый экзамен – история. Принимали его старший преподаватель Андрей Феоктистович Фунтов и аспирант-философ, выпускник истфака Ю. Парамонов. Мне пришлось рассказывать о революции 1905–1907 гг. и о Программе КПСС о развитии межнациональных отношений. Первый вопрос я знал, второй – не читал, так как нахально не считал, что это – история. Надо было выкручиваться. Вспомнил случайно просмотренную статью в журнале "Политическое самообразование", и, сославшись на нее, долго говорил экзаменаторам. Получил "отлично" и был совершенно счастлив.

Первый экзамен произвел сокрушительное действие на абитуриентов. Фехтовальный зал опустел. Оставшихся перевели в университетское общежитие на улице Чапаева, 16. Мне досталась комната, где прежде жили студенты-филологи, уехавшие на каникулы. В моем распоряжении оказалась приличная библиотечка, которую они оставили в комнате. Как мне она пригодилась при подготовке к сочинению! За сочинение, а затем за экзамен по литературе и русскому устному я получил "хорошо". С 13 баллами со страхом ждал – примут или нет? Приняли. Разве это не случайность?

Первый год. Учение в университете начиналось с колхоза, с поездки на уборку картошки. Это своего рода инициация, не лишнее жестокости испытание для будущих студентов. Особенно это было тяжело для городских детей, выпускников школы. В нашем случае было не совсем так. Среди поступивших большинство были взрослыми парнями, за которыми была служба в армии или на флоте. Худо ли, хорошо ли, но именно в колхозе, как правило, формировался коллектив курса.

Колхоз благополучно закончился, и вот мы в аудитории на четвертом этаже университетского здания на улице 8 Марта, здании, прежде принадлежавшем почтенному Екатеринбургскому духовному училищу, где учились А.С. Попов, Д.Н. Мамин-Сибиряк, П.П. Бажов, историк русской церкви и министр по делам вероисповеданий Временного правительства А.В. Карташов.

Начались лекции. Нам предстояло учиться не 5 лет, как обычно было предусмотрено учебными планами истфаков, а только 4. Опять-таки хрущевские реформы!

Первые лекторы. Доцент Нина Николаевна Белова, преподававшая историю древнего Востока, была специалистом по истории Рима, она занималась сложными вопросами источниковедения поздней римской истории для реконструкции социальной структуры римского общества. Но этого мы тогда не знали. История древнего Востока – огромный и самый сложный курс – обрушился на наши неподготовленные головы ужасом бесчисленного количества заковыристых имен, дат, процессов. Все это следовало впихнуть в память за три месяца обучения. Один учебник по истории древнего Востока В.И. Авдиева, по которому мы учились, имел больше 700 страниц, так что на день обучения приходилось около 80(!) страниц!

Русскую историю раннего феодализма в первом семестре читала Г.А. Кулагина. Она же и вела в нашей группе практические занятия. Ее занятия были исключительно полезны. Галина Александровна была выпускницей Свердловского педагогического института, потом работала в пединституте, когда там преподавал в 1935–1938 гг. выдающийся историк русского феодализма С.В. Юшков, выпускник Петербургского университета, один из крупнейших источниковедов, знатоков древнерусского права – вообще, и Русской Правды – в особенности. Опыт внимательного чтения и анализа

¹ Оценки за сочинение и здравый смысл совпадают плохо. Единственная моя ошибка в школьном выпускном сочинении состояла в том, что Коммунистическая партия я написал со строчной буквы – если социал-демократическая пишется с маленькой буквы, то почему коммунистическая – с большой?

текста Русской Правды, примененный Г.А. Кулагиной, был очень полезен для овладения навыками ремесла историка.

Этнографию интересно читал В.Е. Стоянов, латинский язык – В.Ф. Житников. Собственно, это был не столько латинский (хотя и Цезаря о Галльской войне переводили, и грамматику пытались учить, но всерьез сделать это за три месяца было, конечно, невозможно), сколько попытка сообщить нам самые общие сведения о сравнительном языкознании. Отношения мои с преподавателем сложились самые приятные – выяснилось, что и он, как и я, большой поклонник А.И. Солженицына, и уже потом, когда латинский язык был позади, мы частенько обсуждали его рассказы в университетских коридорах.

Обязательным предметом для первых двух лет обучения была история КПСС. Ее читал один из самых успешных тогдашних историков – В.Г. Чуфаров. С ним связано важное событие, которое произошло в стране в середине октября 1964 г. Утром 15 октября мы проснулись в квартире, которую снимали у тети Поли на улице Фрунзе, под звук радио-рупора, из которого казенным голосом сообщалось, что Пленум ЦК КПСС рассмотрел заявление Никиты Сергеевича Хрущева с просьбой освободить его по состоянию здоровья от должности Первого секретаря ЦК КПСС и удовлетворил эту просьбу. Сосед по комнате Леня Батенев, трижды поступавший на истфак и поступивший-таки, выучивший для этого чуть не наизусть Хрущева, вдруг начал материться, перемежая мат цитатами из Хрущева. Было ясно – Хрущева сняли.

Первая лекция в этот день была лекцией по истории партии. Официальное сообщение об отставке Хрущева, невнятное и скользкое, ничего толком не объясняло. Не успел В.Г. Чуфаров появиться в аудитории, как посыпались вопросы – почему не осужден культ личности Хрущева, почему Пленум не осудил его политику. И Чуфаров ответил. Его ответ – загадка для меня по сию пору.

Он ответил двухчасовой – без перерыва! – лекцией об ошибках Хрущева. Он говорил о провале его сельскохозяйственной политики, приводил статистические данные о состоянии экономики, рассказывал об авантюризме в сфере международных отношений, ставившем страну на грань мировой войны, о грубости и бестактности его в отношении с социалистическими странами. Замечу – ничего подобного в официальных публикациях не было. Не было этого и в докладе М.А. Сулова на пленуме, который был опубликован позже. Но это было в так называемом "докладе Д.С. Полянского" – члена Политбюро, принадлежавшем к группе заговорщиков, подготовившем свержение Хрущева. Этот доклад был выявлен в Архиве Политбюро в середине 90-х годов². Аргументы этого доклада вынудили Хрущева уйти в отставку на заседании Президиума ЦК, предшествовавшему пленуму.

Текст был секретным, много позднее – в 1999 г. – тогдашний председатель КГБ В.В. Семичастный говорил мне, что текст существовал в двух экземплярах. Неужели другие заговорщики заранее распространили этот текст и по крупнейшим обкомам? Или он был у некоторых участников пленума от Свердловской партийной организации? Только тогда член лекторской группы обкома В.Г. Чуфаров мог знать то, что он сообщал ошарашенным первокурсникам. К сожалению, сейчас Владимира Григорьевича об этом уже не спросишь.

Чуфаров был прекрасным лектором и хорошим человеком. Я благодарен ему за то, что на втором курсе он привлек меня и В. Михайленко к чтению лекций для населения. Этот опыт в огромной степени помог мне стать преподавателем. Если тебе приходится зайти в рабочую бытовку в перерыв и говорить 15 уставшим людям так, чтобы они тебя попросту не выгнали – то читать студентам после этого уже не страшно. Он хорошо относился и ко мне и нескольким лучшим студентам, предложив после второго курса специализироваться по истории КПСС, пообещав в будущем аспирантуру. Он действовал, конечно, из лучших побуждений.

² Пихоя Р.Г. Москва. Кремль. Власть. 40 лет после войны. 1945–1985. М., 2007, с. 464–469.

Меня тогда это чуть не раздавило. Откровенность и простота, с которой он говорил о будущем, связывая возможность работы в науке с принадлежностью к партии, потрясла меня и едва не принудила уйти тогда из университета. Наивность? Наверное. Но то, что история партии – не наука – было понятно для ученика М.Я. Сюзюмова. Кстати, закончив университет с "красным дипломом", я был фатально неспособен получить "отлично" по истории партии. Ни в университете, ни в аспирантуре. История партии поражала меня своей нелогичностью, противоречием между фактами и их историко-партийной оценкой, принципиальным замалчиванием своих важнейших деятелей – от Троцкого и Рыкова до Сталина и Маленкова.

Но вернуться в первый семестр первого курса. Пожалуй, самым сложным испытанием для меня стал немецкий. Я был не одинок в незнании иностранного. Но для таких создали специальную группу и начали учить сначала. А я по недосмотру с четверкой за восьмой класс попал в группу для продолжавших обучение. Причем там были студенты с хорошим немецким. Для меня иностранный превратился в постоянную проблему. Надо было переводить знаменитые "тысячи", читать, учить слова. От отчаяния я выписал газету "Берлинер цайтунг", тогда это было легко и дешево. Перед тем, как выкинуть очередной номер, я просматривал заголовки, потом подписи под фотографиями, а спустя некоторое время и статейки. Так со временем я пристрастился читать на немецком. Газеты менялись. На третьем курсе удалось подписаться на теоретический журнал австрийских коммунистов – по тем временам это было интересно и не походило на официальные наши оценки. Жаль, что немецкий так и остался языком для чтения, который вовсе не перешел в язык для общения. Но кто тогда думал, что придется общаться с иностранцами.

Первая сессия закончилась для меня благополучно. Вторая открывалась новыми лекторами – доцентами Е.Г. Суровым, читавшим Грецию и Рим, П.А. Вагиной, преподававшей историю России XVII–XVIII вв. Археолог греческих колоний в Причерноморье Суворов читал красочно, в отличие от него лекции Полины Александровны Вагиной были суше и строже. Но они были тем, что называется правильными университетскими лекциями. Их неотъемлемой частью был историографический раздел, четко формулировалась проблематика периода. Когда весной пришла пора сдавать годовой экзамен по истории СССР, то мой однокурсник Володя Айрапетов с удивлением говорил – по лекциям Вагиной можно прямо к экзаменам готовиться!

На первом курсе надо было писать курсовую работу. Писал по кафедре истории Древнего мира и средних веков. Моим первым руководителем была очаровательная юная Маргарита Адольфовна Поляковская. Курсовая была посвящена становлению институтов феодального землевладения на материалах Франции IX в., работа была вполне школьная.

Между тем, результатом этой курсовой стало то, что П.А. Вагина предложила мне специализироваться у М.Я. Сюзюмова. Михаил Яковлевич на бегу (на бегу – это было его обычное состояние между чтением лекций) предложил тему – "Русско-византийские отношения по договорам Руси с Византией 907–911 гг. и 945 г." Вторая сессия была проще первой, удалось сдать ее на отлично. Это обстоятельство избавляло студентов от необходимости собирать справки о доходах родителей (стипендию не отличникам давали, когда в среднем в семье доход был, помнится, меньше 40 руб. на человека), да и стала стипендия повыше – не 35 руб., а целых 42. Летом произошли две важных вещи. Во-первых, археологическая практика под Омском. Это было здорово. Удивлял высокий уровень организации экспедиции. В экспедиции было все – транспорт, палатки, спальники, инвентарь, квалифицированные студенты-старшекурсники, свой фольклор. По опыту своему, опыту археографической экспедиции знаю, что четыре года (а Владимир Федорович Генинг первую свою экспедицию в УрГУ провел в 1961 г.) – это достаточный срок для создания экспедиции, но замечу – четкость, принципы организации полевой работы у Генинга были для меня примером в будущем.

Отдельно – собственно археологические раскопки. Внешне не слишком эффектные, они убедительно (уверяю – для меня более убедительно, чем раскопки античных городов) свидетельствовали об ученой составляющей археологии. Следы прошлого, состояние культурных слоев оказывались столь же, если не более информативными, чем письменные источники. К концу экспедиции Генинг поручил мне маленький раскоп, я копал, отслеживая особенности почвы, чертил схемы расположения культурных слоев. Это было интересно. Но это было не мое.

Второе событие, ставшее для меня очень важным, это работа над курсовой. Летом, набрав книг в университетской библиотеке, я уехал домой в Северск и засел за работу. На столе лежали "Повесть временных лет", "Хроника" Георгия Амартола "Византийская книга эпарха", монографии. Помню это удивительное чувство радости, когда удавалось найти новые факты в этой старинной теме. Радовали пустяки – вроде указания-ссылки в договоре 907 г. о прежде бывших договорах между Русью и Византией (то, что на это обратил внимание еще С.М. Соловьев, я тогда не знал), так и более серьезные вещи – параллели между нормами Книги эпарха и договорами 907–911 гг., просмотренные в свое время М.В. Левченко, автором специальной монографии по русско-византийским отношениям.

Это был мой первый опыт, первая попытка самостоятельного исследования. Впервые я почувствовал радость от исследования, которое затягивало, увлекало, создавало неведомую прежде новую реальность – жизни в далеком прошлом. Я пишу эти строки и ловлю себя на мысли – а не слишком ли громкие слова для описания эмоций первокурсника? Но это было именно так, и если бы не первая крохотная удача, не знаю, как бы сложилась моя ученая биография. К началу второго курса первый вариант работы был написан. Осенью 1965 г. М.Я. Сюзюмов зачел эту курсовую и определил ту тему, которая, в конце концов, легла в основу будущей кандидатской диссертации – "Закон Судный людем и влияние византийского права на право Древней Руси".

Второй курс. На втором курсе было несколько интересных лекторов. Прежде всего, это Наум Абрамович Бортник, старый доцент, который в это время завершал подготовку к защите докторской диссертации по истории общественной мысли в Италии в XII в. Он был настоящим советским профессором – уверяю – здесь нет ни тени иронии! Лекции его на нашем курсе нередко заканчивались аплодисментами, его практические занятия всегда были тщательно выстроены, его способность заставить всех работать на занятиях методически была безупречна. Помню, как один из моих одногруппников, оказавшись неготовым к семинару (он попросту всю ночь проработал в кочегарке), выслушал следующую тираду Бортника: "Я убежден, что Вы, Володя, хороший студент, я уверен, что у Вас были причины, чтобы не быть готовым сегодня, но я также верю, что к следующему семинару Вы будете полностью готовы". Тут было и уважение к студенту, и требовательность, и Володе уже ничего не оставалось, как готовиться ко всем семинарам Бортника.

Уважение к студенту. Качество не самое распространенное и в те годы, и сейчас. Однажды я начал спорить с Бортником по поводу интерпретации какого-то фрагмента текста. Особым таким я, по всей вероятности, не отличался, но спор был сугубо специальным, не выше текста. Закончился семинар. Бортник встал и попросил меня зайти на кафедру. Не без страха за свою горячность я пошел за ним. Бортник сел в кресло, неторопливо закурил свой "Казбек", выдержал паузу, а потом сказал: "А, пожалуй, Вы были правы". Этого я никогда не забуду. Таким качеством – слышать и слушать аргументы оппонента, тем более формально ничтожного – отличалось немного людей в моей жизни.

Другой лектор, человек, ставший одним из символов истфака был Владимир Васильевич Адамов. Фронтвик, потерявший ногу на войне, красивый особой мужественной красотой человека с развитым чувством собственного достоинства, лишенный красноречия, он читал нам историю России периода капитализма. Его манера чтения лекций была своеобразна. Создавалось впечатление, что он на глазах аудитории подбирает слова, отыскивает смысл прошлых событий. Заученная прежде история конца

XIX – начала XX в., полная штампов (развитие капитализма после реформы 1861 г., формирование пролетариата, народничество и возникновение ленинской партии, три русских революции) – разворачивалась иной стороной. Прежде всего, появлялось ощущение "объемности", неоднозначности прошлого. На каждой лекции возникала ситуация, когда знакомое представало совершенно иным. Помню его рассказ о "Морозовской стачке", когда он показал, как официальная и дворянская пресса по существу оправдывала стачечников, негодуя против капиталистов, этих новых хозяев жизни. Каждая лекция Владимира Васильевича заканчивалась тем, что к нему выстраивалась очередь слушателей, задававших ему вопросы. Ему было свойственно стремление разглядеть общие проблемы истории страны на рубеже XIX–XX вв., взаимодействие противостоявших тенденций – государственного доминирования в России и частной инициативы, старых явлений в организации экономики (в частности, так называемого "окружного строя" горнозаводской промышленности Урала), оказавшихся исключительно живучими и способными приспособливаться к новым социально-экономическим реальностям³. Пожалуй, В.В. Адамову был свойственен социологический подход к изучению истории.

Иной подход к прошлому предлагал историк уральской горнозаводской промышленности А.Г. Козлов, который читал у нас историю Урала. Тоже фронтовик, награжденный медалью "За отвагу", мальчишкой попавший на войну и демобилизованный после ранения и тяжелой болезни, он был, по моему убеждению, лучшим знатоком фондов Государственного архива Свердловской области с его превосходными комплектами документов по истории промышленности Урала XVIII–XX вв.⁴ Невысокого роста, казавшийся застенчивым, с застывшей полуулыбкой, он сыпал фактами, цифрами, рассказывал о высоте и объеме домен на заводах, о количестве и качестве воздуходувки, обеспечивавших плавку, доказывал, что уральская промышленность в XVIII в. была лидером мировой металлургии.

Дело прошлое – история Урала "по определению" казалась мне не интересной, в спорах об общих вопросах истории края мои симпатии были на стороне, скорее, В.В. Адамова, чем его оппонентов, к числу которых относился и Анатолий Григорьевич Козлов. Однако фактический материал его лекций заставлял задумываться. Он был доказателен и убедителен. Впрочем, тогда мне казалось совершенно невероятным, что самому придется заниматься историей Урала. Но это случилось, и советы А.Г. Козлова были очень ценны.

Историю Азии и Африки нам читал декан факультета Юрий Александрович Попов. Он был колоритнейшим человеком. Выпускник МГУ, китаист, стажировавшийся в Китае, свидетель начала "культурной революции", в прошлом спортсмен-боксер, с перебитым носом, он источал веселую уверенность, читал хорошо и строго требовал знания своего курса. Ю.А. Попов был хорошим научным руководителем. Студенты, специализировавшиеся у него, были организованы в кружок, учили китайский, занимались наукой. Замечу – учились, что называется, "с нуля", не имея в прошлом специальной подготовки. То, что Ю.А. Попов был хорошим научным руководителем, свидетельствует судьба нашего однокурсника В. Корякова, одним из первых среди выпускников нашего курса защитившего докторскую диссертацию по истории франко-

³ Свою кандидатскую работу В.В. Адамов писал под руководством А.Л. Сидорова, одного из лидеров тогдашней историографии, с которым ассоциируется "новое направление" в понимании истории страны накануне революции 1917 г.

⁴ А.Г. Козлову жители Свердловска – Екатеринбурга обязаны появлением даты основания города. В жарком споре на страницах "Вечернего Свердловска" между заведующим кафедрой истории СССР УрГУ М.А. Горловским и сотрудником архива, студентом-заочником А.Г. Козловым победил последний. Главным аргументом для арбитра в споре с обкомом партии стало толстенное архивное дело, где было записано, когда было запущено заводское производство. Правда, остается вопрос – какая эта дата – пуска завода или основания города?

китайских отношений в конце XIX в. Я убежден, что его уход с истфака (уже в конце 70-х годов) был большой потерей для факультета⁵.

Третий курс. С третьего курса начиналась специализация. Пользуясь правом свободного посещения, я выбрал кафедрой специализации кафедру истории СССР (формально писал курсовую и диплом по отечественной истории), а основные спецкурсы слушал на кафедре древнего мира, где был мой научный руководитель М.Я. Сюзюмов. Мне следовало набрать какое-то число спецкурсов (не помню точно, кажется, 7 или 8).

На третьем курсе учился у Михаила Яковлевича Сюзюмова, которому тогда было 72 года. Он был человек удивительный. Я не видел ни одной его удачной фотографии, потому что статика и он были несовместны. Он все время был в движении – когда летел по лестницам, перешагивая через пару ступенек, когда он читал лекцию, сидя на уголке стола, раскачивая ногой и дирижируя самому себе поклонами головы, когда бежал по коридору истфака и отвечал на вопросы. Пожалуй, он похож на гудоновскую скульптуру Вольтера. Он и был таким живым, острым, ехидным и очень умным. Он был человеком "не от мира сего", закончил в 1916 г. Дерптский императорский университет⁶ и оставлен там для подготовки к профессорскому званию. В том же году опубликовал статью, ставшую до сих пор лучшим исследованием об отношениях Византии и Древней Руси во время балканских походов Святослава. Дальше его понесло время революции: сначала в Петроград, отступая от немцев, где он застал революцию, затем мобилизован в Красную Армию, дошел с ней до Монголии, демобилизовался и поехал в Северную коммуну, как звали тогда Петербург. По дороге заболел тифом и, принятый за покойника, был выброшен из вагона в Кыштыме, где ему суждено было стать директором школы. Директором он был хорошим, преподавал от истории до математики, построил в школе обсерваторию, пристрастил школьников собирать почтовые марки⁷. Среди его учеников – один из создателей советской атомной программы и партийный деятель М.А. Первухин и много других людей, которые до самой его смерти ежегодно собирались у своего учителя – генералы и инженеры, учителя и пенсионеры. Потом – арест, счастливый выход из Тобольского лагеря в 1938 г., преподавание итальянского и латинского в Свердловской консерватории, в пединституте, защита кандидатской в 1943 г, и докторской – в 1954 г., с 1955 г. после объединения истфаков он перешел из пединститута в университет⁸.

Теперь добавлю – о каждом периоде своей биографии рассказывал с удовольствием, с кучей подробностей, он сам был воплощением истории. Рассказывая, как он был секретарем А.В. Луначарского во время его поездок по Уралу и видел его дискуссии с обновленческим митрополитом Введенским⁹, объясняя нам, в чем, по его мнению, были причины репрессий 1937–1938 гг., или вспоминая, как он в конце 40-х годов выступал в Москве в Институте истории против сталинской идеи о прогрессивности "революции рабов", он, как я убежден, воспринимал самого себя как член корпорации Дерптского императорского университета.

⁵ Жаль, но в сборнике "Историки Урала XVIII–XX вв." (Екатеринбург, 2003) нет статьи о Ю.А. Попове.

⁶ Он говорил всегда именно так. Официально университет, основанный еще в начале XVII в. шведским королем Густавом-Адольфом, был переименован в Юрьевский, что соответствовало русификаторской политике Александра III. Но Сюзюмов, по его студенческой традиции, всегда подчеркивал – Дерптский императорский! Сейчас это Тартуский университет.

⁷ Если бы он добрался до Ленинграда, то он с неизбежностью попал бы в жернова "академического дела" начала 30-х годов.

⁸ Мне пришлось писать его биографию: *Пихоя Р.Г.* Михаил Яковлевич Сюзюмов. К 80-летию со дня рождения. – Альманах Древнего мира и средних веков, вып. 10. Свердловск, 1973, с. 3–20.

⁹ Рассказывал, не скрывая своего презрения ни к первому, ни ко второму, считая эти дискуссии спектаклем, который повторялся по мере передвижения агитпоезда. Впрочем, абсолютным антигероем отечественной историографии он считал М.Н. Покровского, которого искренне ненавидел.

Он жил в двух временах. Образцом, нормой университетской жизни для него был Дерпт с его профессорским судом, студенческими корпорациями – немецкой, русской, эстонской, польской – диспутами, лингвистической открытостью, профессиональной взыскательностью. В нем было что-то мальчишеское в сохранении в себе этого "Дерптского комплекса". Но жил он в иное время – не в Дерпте, а Свердловске, не в Российской империи, а в Советском Союзе.

Мне кажется, он иногда специально эпатировал, дразнил посланцев власти, отстаивая за собой право говорить и делать то, во что он верил. На каком-то очередном юбилее Великой Октябрьской революции его пригласили на трибуну как единственного к тому времени участника гражданской войны. Он вышел и стал говорить, что никакого выстрела "Авроры" не было, потому что он 25 октября 1917 г. сидел в рукописном отделе и изучал греческие рукописи в библиотеке Салтыкова-Щедрина, недалеко от Зимнего дворца и артиллерийского выстрела не слышал. Его частая и не только мной слышанная присказка – "русская история заканчивается восстанием декабристов. Дальше начинается журналистика". Такую ересь, подрывавшую основы советской мифологии и политической символики не простили бы никому. Профессору Сюзюмову это сходило с рук. Он раздражал и злил одних, которые могли шипеть и говорить гадости вслед, вызывал восторг и почитание у других и у всех – бесспорное признание его учености.

На третьем курсе Михаил Яковлевич читал для студентов два больших курса: годовой курс "Историография средних веков" и двухлетний курс "Римское право". Курс по историографии средних веков стал для меня самым важным за весь период обучения на истфаке. Сюзюмов подробно исследовал и объяснял развитие историографического процесса с начала нашей эры – от Августина Блаженного – до середины XX в. – "школы Анналов". Каждая тема рассматривалась Сюзюмовым в нескольких ракурсах. Во-первых, это был рассказ об эпохе, которая создала историка. Во-вторых, это был блистательный очерк об историке – будь то Августин Блаженный, О. Конт, Фюстель де Куланж, Л. Ранке или А. Допш. Ядро же лекции составлял анализ тогдашних философских концепций истории, а также свойственного той эпохе понимания природы исторического источника, изменения методов исторического исследования. Концепции понимания истории сменяли друг друга, конкурировали, иногда – возвращались. Бесспорное нарастание знаний о прошлом, происходившее во времени, дополнялось неоднозначностью понимания прошлого.

Этот историографический курс стал для меня и курсом истории философии, намного более основательным, чем официальный университетский курс. Важно и то, что Сюзюмов приобщал нас к "большой истории", профессиональному поиску понимания исторического процесса. Я не случайно так часто повторяю слово – понимание. Потому что это – суть, видимая и ускользающая, однозначная и многомерная, всегда изменяющаяся.

Очень жалею, что не осталось моих конспектов этого курса. Курс был уникален. Прекрасная книга – учебник Е.А. Косминского по историографии средних веков – доведена была до середины XIX в., возможно, по причинам, от автора независимым. Сюзюмов же доводил курс практически до середины XX в. Да и в содержательном отношении эти курсы значительно отличались. Отмечу только один аспект: Сюзюмова интересовала проблема сочетания преемственности в развитии – континуитета – с разрывами в истории, стадийности прошлого.

Сюзюмов, как и некоторые его сверстники-медиевисты был марксистом, человеком, который пришел к марксизму от позитивизма. Мне он рассказывал, что самой популярной книгой среди дерптских студентов была "История цивилизации в Англии" А. Бокля, своего рода евангелие для историков-позитивистов. Мне кажется, что на взгляды Сюзюмова повлияла советская практика, когда власть на его глазах творила новые социальные группы, устанавливала иные отношения собственности, осуществляла огосударствление всех сфер жизни. Это поистине было сменой формаций.

Правда, такое понимание феодализма было ближе к Д.М. Петрушевскому, чем к Б.Д. Грекову.

Это не мешало ему доказывать, что у южных славян в VII–VIII вв. община сосуществовала с частной собственностью на землю, что в корне противоречило концепции Ф. Энгельса, что для политической жизни Константинополя была характерна не классовая борьба, а столкновения цирковых партий (димов), за которыми нередко скрывалась борьба за власть соперничавших группировок знати, что главным противоречием в истории Византии была борьба между столичной и провинциальной знатью.

М.Я. Сюзюмов считал важным, чтобы его студенты изучали римское право. Прежде всего, Кодекс Юстиниана, Дигесты, Институции и Новеллы были поистине сокрушительными источниками, разрушавшими наши штампы в представлениях о рабовладельческом строе. Римское право раскрывало перед нами историю очень сложного, очень развитого общества с промышленностью и торговлей, кредитом, рыночными отношениями, наличием свободной рабочей силы, совершенной системой регулирования, своей логикой, сопоставимой только с математикой. Возникало подозрение – всегда ли развитие истории связано с прогрессом?

Римское право самым детальным, тщательным и подробным образом регулировало и разделяло отношения собственности и владения.

Невольно в голову закрадывалась мысль – а не является ли главным отличием России от Западной Европы с ее Кодексом Наполеона, наследником римского права, то, что в России никогда не было различия между собственностью и владением, и тогда, когда отписывали вотчины на государя, и тогда, когда условное владение – казенные заводы с приписными превращали в собственность, да и много позже.

С лекциями Сюзюмова с их мощным философским наполнением перекликались лекции Г. Бондарева по диамату. Он читал курс философии, в центре которого были проблемы диалектики. Достоинством этого курса было то, что студенты приучались к овладению понятийной системой, к пониманию роли понятий – как скелета любого сколько-нибудь научного исследования в области общественных наук.

Говоря о философии, добавлю, что в 1965 г. профессор-философ М.Н. Руткевич открыл философский факультет, сначала как отделение нашего истфака, а на следующий год – как самостоятельный факультет. Он привлек к чтению лекций для своих студентов лучших профессоров УрГУ – им читал Сюзюмов, Адамов, академик математик Н.Н. Красовский, будущий академик биолог Г.В. Мокроносов, физик А.К. Киоин. Естественно, читал лекции и сам Руткевич. М.Н. Руткевич был автором одного из лучших советских учебников по диамату. Особенностью свердловской философской школы, как мне кажется, было особое внимание к проблемам диалектики. Я с моим другом М. Гуревичем частенько бегал на лекции к философам.

В это время на нас обрушилась социологическая литература. В Свердловске под руководством Руткевича было создано отделение Советской социологической ассоциации, на философском факультете появилась лаборатория, занимавшаяся переводами западных работ по социологии, а затем появились переводы книг, главным образом – по технике социологических исследований, издаваемые Советской социологической ассоциацией.

На курсе было несколько человек, которые намеревались заняться в будущем социологией – это М. Гуревич, Л. Аверьянова, Т. Баженова (Райс). Они уже тогда принимали участие в социологических исследованиях. Социология интересовала и меня. Она воспринималась (да и сейчас воспринимается) как история современности, написанная на основе специально созданных для целей исследования источников – опросных листов, интервью, анкетирования, включенного наблюдения. В известной мере, социология отвечает на извечный вопрос истории – как люди живут.

Знакомство с тогдашней социологической литературой свидетельствовало, что в социологии гораздо четче, чем в истории, прописаны такие понятия, как социальное структурирование общества, социальная мобильность и условия ее реализации. Социологи работают с такими категориями, как социальные ожидания, ролевое поведе-

ние. Убежден, что эти основы не худо знать и историкам. Мне, во всяком случае, это очень помогало.

Не помню, кто у нас читал лекции по истмату. Насколько хорош был диамат, настолько банальным был истмат и, к моему удивлению, политэкономия капитализма. В основе ее всегда лежало изучение "Капитала" К. Маркса, книги сложной и умной. Но это прошло мимо меня, сдал – и забыл. Зато лектора по политэкономии социализма, молодого доцента И.М. Темкину, помню. Этот курс традиционно считался неинтересным и пустым – так же, как истмат по отношению к диамату. Но не тут-то было! Ириша Темкина, как фамиллярно звали ее студенты между собой, прочитала интереснейший курс, она в полной мере использовала тот преобразовательский, реформистский потенциал в подходах к советской экономике, который сформировался в ходе так называемых, "косыгинских реформ". Это были в полном смысле проблемные лекции. Но и в отношениях со студентами она была человеком справедливым и, что называется, с понятием.

Помню, как на экзамене один из наших однокурсников нахально списал на глазах Темкиной и пошел отвечать. Отвечал он ясно и толково. Темкина, побрезговавшая ловить парня со шпаргалкой, едва ли не ее сверстника, задала ему единственный вопрос: "У меня два платья одинакового фасона – шелковое и штапельное. За шитье какого платья я заплатила в ателье дороже?". Студент ответил: "За шелковое, конечно!". "Неверно, – весело возразила ему Темкина. – Одинаково. У нас расценки такие дурацкие". Парень получил три балла.

Говоря о дисциплинах специализации, отмечу, что на третьем курсе я начал учить греческий у М.А. Поляковой, что помогло мне в будущем при изучении византийских источников древнерусской покаянной дисциплины. Курс по эпиграфике Н.Н. Беловой был интересен тем, кто специализировался по античной археологии, но не имел отношения к моим занятиям.

Хуже получилось с курсами, которые я взял на кафедре истории СССР. К сожалению, курсы исторической библиографии и археографии, важные для образования историка, оказались никак не связанными с реальными историческими штудиями. А жаль.

К концу третьего курса вставал вопрос – что дальше? Писать, конечно, я хотел только у Сюзюмова. Совпадало много. Мне нравилась тема, мне хотелось заниматься историей Древней Руси. А учиться у Сюзюмова было радостью и чудом. Но попасть в аспирантуру было практически нереально. Аспирантуру давали только по истории КПСС. Кроме этого, я не хотел быть учителем средней школы, что было практически неизбежно. Выпускники дневного отделения подлежали обязательному распределению в распоряжение облоно. Для заочников же распределения не было.

Надо было искать работу на будущее, тем более что на очереди была свадьба с моей однокурсницей Л. Аверьяновой.

Курс четвертый и последний. После третьего курса я перешел на заочное отделение и устроился, с помощью И.М. Темкиной, лаборантом в лабораторию при кафедре политэкономии Свердловского пединститута. На заочном отделении полагалось учиться шесть лет. Меня перевели на четвертый, так как учебные планы на очном и заочном отделениях сильно расходились. По хоздоговору пединститута с заводом им. Воровского, находившегося на углу улиц Белинского и Фрунзе мне положено было исследовать "пути сокращения производственного цикла в условиях мелкосерийного производства буровых установок СБУД-1500-300". Для меня это означало следующее – я должен был с секундомером отслеживать, как из заготовки появляется деталь, которая станет "частью буровой установки, как загружается станочный парк завода.

Занятие это было прескучное, создававшее возможность читать на работе. Именно там я перечел незадолго до этого купленное собрание сочинений Е.В. Тарле. Полезное чтение, между прочим. И не только "Наполеон" или увлекательная "Крымская война", но и его дореволюционные исследования по истории социально-экономической истории Франции накануне и в годы Великой французской революции. Итог эко-

номических опытов был для меня неожиданным, если не шокирующим. Я самым добросовестным образом установил, что станки работают примерно половину рабочего времени. Но все рабочие выполняют план на 120%! Отняв необходимое время, которое по нормативам приходилось на техобслуживание станков, все равно получил, что станки простаивают очень много. Дальше – больше. Я пошел посмотреть в заводоуправлении техдокументацию и нормы на производство деталей этой буровой. Из анализа документов следовало, что станки заняты на 98% времени!

Пошел разбираться со сделанным мной открытием с научным руководителем договора, опытным доцентом-экономистом. Он рассмеялся. "Нормы, – сказал он мне, – устанавливаются не по реальным трудозатратам, а для того, чтобы платить рабочим в тех пределах, которые закладывает Минтруд для каждой категории рабочих, т.е. станочник должен иметь 120–140 руб. в месяц, у других категорий рабочих – металлургов, строителей – свой предел оплаты, и под это подстраивается нормирование". Как тут не вспомнить И.М. Темкину – "Нормы у нас дурацкие!".

Я понял, что реальная социалистическая экономика никакого отношения к науке не имеет и собрался уходить. Мой приятель А. Мясников, талантливый журналист и хороший социолог, которому я рассказал эту историю, предложил мне перейти на работу в Уральский политехнический институт, где создавалась социологическая лаборатория. Вскоре я был принят туда старшим инженером, это было по-настоящему интересно, уже в 1969 г. у меня вышла первая статья, собирался материал для возможно диссертационного исследования по социологии.

Но в университете надо было учиться. Зимой в начале 1968 г. мне удалось получить командировку в Москву и я впервые работал в Институте научной информации по общественным наукам, тогда еще находившемся рядом с Ленинской библиотекой. Поездка была удачной. Удалось выявить и заказать микрофильмы источников, необходимых для подготовки дипломного исследования.

Учебный процесс свелся к двум "секторам". Я по-прежнему старался прибегать на лекции М.Я. Сюзюмова по римскому праву, на занятия М.А. Поляковской по греческому. Все остальные дисциплины я "сдавал", благо, что из действительно сложных курсов оставались экзамены по разделам новейшей истории Азии и Африки и новейшей истории Запада. В работе над дипломом наиболее сложной и важной частью стало выявление влияния греческого Номоканона, решений вселенских и поместных соборов на документы древнерусского церковного права.

К весне я умудрился за год сдать все экзамены и зачеты за три курса заочного отделения, каллиграфическим почерком написал дипломную работу. Но не тут-то было! Закончить университет в один месяц с моими однокурсниками-дневниками мне не удалось. Михаил Яковлевич, прочитав мою дипломную работу, потребовал от меня исследовать чешско-сербско-болгарскую дискуссию о месте происхождения Закона Судного людем, обосновать собственное мнение по этому вопросу, просмотреть публикации на французском языке на эту тему, а переделанную работу не переписывать, а напечатать на машинке. Пришлось проводить исследование, заказать переводы, печатать на машинке. Спасибо Сюзюмову. Этот раздел диплома практически без переделок вошел в мою кандидатскую диссертацию.

Осенью 1968 г. я защитил дипломную работу и отправился к проректору по заочной работе за дипломом. Тогдашняя проректор, увидев, что я поступил в 1964 г. и закончил в 1968 – ахнула. "Разве вы не знаете, что экстернат запрещен?". Конечно, не знал. Но деваться было некуда, тем более что диплом был с отличием и закончил я с рекомендацией в аспирантуру.

Университет был закончен. Сейчас, вспоминая прошлое, подведу некоторые итоги: что университет дал мне? Прежде всего, систематическое образование. Традиционный набор дисциплин истфака – это необходимое условие для историка. Боюсь, что никакие ученые степени по истории, полученные физиками, химиками, медиками и иными, историками их не делают. Овладение важнейшими методами исторического исследования, опытом работы по анализу текста документа, без чего историков не

бывает. Основательную теоретическую подготовку по проблемам философии истории, прежде всего, благодаря урокам М.Я. Сюзюмова. Навыки самостоятельного обучения.

Особо отмечу, что я много занимался лекторской работой как лектор общества "Знание" и Свердловского обкома комсомола. Это был и ценнейший преподавательский опыт, и заработок, важный для меня в то время, и возможность объездить всю область – от Серебрянки на Шалей на западе до Туринска и Тавды на востоке, от Североуральска и Верхотурья на севере до Сысерти и Полевского на юге. Позже, когда пришлось организовывать археографические экспедиции, знание области пригодилось.

Сложнее с вопросом, что я не получил за время обучения. Констатируя субъективность своих оценок, разделю их на две части. Если речь идет о стандартной подготовке историка, то, полагаю, недостатком было сравнительно формальное преподавание курсов источниковедения и историографии (отечественной истории). Эти курсы должны занимать одно из центральных мест во всей системе подготовки историка, причем чтение их обязательно должно включать в себя "прикладную составляющую", практические занятия, в том числе связанные с темой будущего дипломного сочинения студента. Нет нужды говорить, что именно состояние разделов по историографии и источникам служат основой квалификационной оценки любого исследования. Выше я писал о том, что спецкурсы по археографии и исторической библиографии, безусловно важные, были прочитаны, пожалуй, для образования "вообще", а не как обучение необходимым приемам профессиональной деятельности. Впрочем, если главной задачей обучения провозглашалась подготовка учителей, то часть преподавателей считала, что этих общих сведений достаточно.

Вторая часть "недополученного" – это вопросы узкой специализации. Тут я убежден, что университет, как правило, не может дать весь тот объем исходных знаний, которые требуются для узкого исследования. Ученый, будь то дипломник, аспирант или докторант сам ставит задачи изучения и должен, с помощью научного руководителя или без него, самостоятельно искать ответы, изучать те проблемы, которые возникли в ходе работы. Для меня главной проблемой было отсутствие элементарной подготовки по работе с рукописными документами XI–XVI вв. В университете вообще не было древнерусских рукописей¹⁰. Естественно, ни о каком знании палеографии и филигранологии говорить не приходилось. В дальнейшем потребовались знания древнерусской литературы, определенные сведения по славянской лингвистике. Я ничего не знал о наличии огромного массива научно-справочной литературы по этим проблемам. Поэтому позже, уже преподавая на истфаке, я был заинтересован в археографических поисках. Первоначальная моя цель была очень проста – хоть показать студентам, как выглядят древнерусские книги.

Осенью 1969 г. поздно вечером мне домой позвонил В.В. Адамов и предложил очную аспирантуру. На факультете "горело" место у историков партии и было решено передать его на кафедру истории СССР. Начался новый этап в моей жизни.

¹⁰ Три десятка старообрядческих рукописей, собранных филологами под руководством проф. В.В. Кускова – не в счет. О их существовании на истфаке, по-моему, и не подозревали. В Свердловском краеведческом музее я отыскал старопечатную Кормчую середины XVII в. Этим и ограничивалось мое знакомство с реальной древнерусской книжностью.